

150 лет со дня рождения А. С. Грибоедова

Гордость русской культуры

Могучее проявление русского духа

А. ОРЛОВ,
доцент Ивановского
пединститута

Полтора столетия тому назад началась жизнь, в сердце бьющая могучею волной и в грани узкие втесненной судьбой. То была короткая, ослепительно яркая, бесстрашная и такая типично русская жизнь, стершая заключительную черту смерти и перешедшая в творческое бессмертие.

Природный москвич, Грибоедов усвоил «особый отпечаток» великой столицы русского народа. Он вычерпал до дна культуру своего времени, семнадцатилетним юношей окончив три факультета старейшего Московского университета, обнаружив присущие русскому человеку одаренность и стремление «к искусству творческому, высоким и прекрасным». В год, когда наполеоновские полчища были у стен Москвы, захваченный высоким патристическим подъемом, ушел он в армию защищать страну и родной город. Человек гениальных дарований, он был замечательным дипломатом, один заменяя в Персии двадцатипятичную русскую армию. Он разделил, наконец, трагическую судьбу русских писателей той поры, погибнув 34 лет, оставив в наследство бессмертную комедию и великие незавершенные творческие замыслы.

Литературный путь Грибоедова начался в то время, когда складывалась декабристская идеология, когда «руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, в особенности офицерам-дворянам; они были заражены сопоставлением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн». (Ленин, XIX, 351). В духе патриотизма декабристов, которым устав тайного Союза Благоденствия предписывал «быть особым образом приверженным ко всему отечественному и доказывать то делами своими», решил Грибоедов проблему создания общественно-значимого самобытного искусства, основным признаком которого являлась народность.

Написав свои первые комедии («Молодые супруги», «Притворная неверность», «Своя семья», «Студент»), Грибоедов очень быстро (в 2-3 года) рассчитался с влиянием французской драматургической теории, безызычной и условной. Он знал, что у него «избытком найдется что сказать», и чувствовал, что сумеет сказать это по-своему. Русская действительность властно вторгалась в его творческое сознание. Наблюдаемая им жизнь фамусовской среды ставила его на прямой путь реализма, создателя социальной комедии, «благороднейшего гуманистического произведения», энергического (и притом еще первого) протеста против гнусной расейской действительности, против чиновников, взяточников, бар-развратников, против светского общества, против невежества, добровольного холопства». (Белинский).

Комедия бесстрашно спорит с временем, потому что она — бесцельное сокровище русской драматургии и яркое свидетельское показание против «подлейших черт прошедшего жития», при виде которых русский человек переживает мильон терзаний, испивает подлую чашу гори от ума и страдает

от оскорбленного чувства патриота. Все темные стороны тогдашней эпохи — крепостничество, бюрократизм, аракеешщина, мракобесие, шумливый либерализм — представлены в зловещих портретах персонажей, получивших под пером драматурга двойную жизнь — и как конкретные исторические личности и как нарицательных социально-политических категорий: фамусовщины, молчаливства, скалозубовщины, репетиловщины. Борьба с ними вырвала у автора тошнотное признание: «мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов». И тем не менее он послал Чацкого на эту борьбу без гамлетовских раздумий, донкихотского незнания действительности, онегинского равнодушия, печоринского презрения и обломовской боязни. Он заставил Чацкого мечтать об обновлении русской жизни, поверить в эту мечту, как активное, зовущее начало, могучую творческую силу, не уводящую от реальности, но опирающуюся на жизнь и предугадывающую тенденции развития действительности; недаром Чацкий с огромным нравственным удовлетворением замечает, что даже в ялору господства фамусовщины уже «вольнее всякий дышит» и что «нынче свет уж не таков».

Однако картина, нарисованная в «Горе от ума», долго еще была незавершенной исторически: в конце минувшего века Салтыков-Щедрин мог еще побывать в среде умеренности и аккуратности, чтобы увидеть там молчаливство, как социально-психологическое явление, характеризующее вырождение русского либерализма. И в начале нашего столетия образы грибоевской комедии часто использовались В. И. Лениным в его борьбе с самодержавием, буржуазным либерализмом, социал-опортунизмом, политическим авантюризмом и всяческими искажениями большевистской теории.

Жизнь фамусовского общества исторически прекратилась с днесь великого Октября. Грибоевские персонажи ушли из русской истории, но перешли в мировые образы, в которых, по словам Грибоедова, «есть черты, свойственные всему роду человеческого». Разве при воспоминании о фамусовском желаниии «забрать все книги бы да сжечь» нам не представляется фашистское мракобесие и сжигание книг мировых классиков? Разве скалозубовский проект о замене Вольтера фельдфебелем не осуществлен системой фашистского «воспитания»? Разве молчаливское «не должно сметь свое суждение иметь» не стало убеждением фашистских филистеров и обывателей, отказавшихся от собственного мышления, так как «за них думает фюрер»?

Нет ничего более ошибочного, как считать, что гениальный ум Грибоедова сказался только в отрицании.

С глубокой скорбью наблюдая фамусовскую среду и видя, что «каким-то черным волшебством на-

род единокровный, наш народ разрознен с нами», драматург-патриот готов даже свою бессмертную комедию считать «мелочной задачей, вовсе несообразной с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к людям и делам необыкновенным».

Перелистывая русскую историю, он искал в ней светлых страниц, наполняющих русского человека чувством национальной гордости, и последние четыре года он живет под знаком «замыслов беспредельных».

Судьба Ломоносова, этого гения, выдвинутого из народной массы, проектируется как тема пьесы «Юность вещего». Идея независимости русского народа, истари вынуждаемого защищать мечом свою родину, ложилась в основу пьесы «Серчак и Итляр» о драматической борьбе Руси с половцами. План стиховой драмы «1812 год» представляет Отечественную войну как освободительную, народную, в которой (как и в пьесе) центральным героем является крепостной крестьянин. Сквозь сюжет высокой стиховой трагедии «Родамист и Зенобия» о заговоре вельмож против тирана, заговоре, в котором сначала «народ не имеет участия в их деле», а затем «возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи», ясно просвечивает попытка Грибоедова решить проблему восстания декабристов и вопрос о дальнейших судьбах русской революции.

Грибоедов близок нам как драматург и как патриот.

Он оставил богатейшее литературное наследство, золотой фонд для русской литературной речи, в которой блестящими рассыпаны крылатые грибоевские стихи. Его пьеса в своей нетленной красоте, как античная статуя, возвышается у входа в историю русского театра.

Он близок нам как гражданин, как носитель передовых идей своего времени, из глубины которого прозвучал он историческое будущее своей родины. Человек огромного ума и образования, он был ревностным поборником русской культуры, нигде на «пустое, рабское, слепое подражанье». При усвоении европейской цивилизации он призывал беречь национальную, родную культуру. И в своем идейном и творческом развитии он шел не от западно-европейских литературных влияний (Мольера, Мариво, Мерьсе, Бомарше), но продолжал литературную линию русской обличительной комедии Фонвизина и политическую традицию Радищева.

Наконец, Грибоедов близок нам своей неискаемой, горячей любовью к родине, о которой он знал, что «умный, бодрый наш народ» сотрет «прошедшего житя подлейшие черты», так как у этого народа славная, героическая история. Эта народная Россия и была тем уголком, где отдыхало оскорбленное чувство драматурга-патриота.

Невозможно поэту более верно и глубоко, чем сделал это Белинский, определить значение величайшего русского драматурга, как «самое могучее проявление русского духа»...

1795 г. А. С. ГРИБОЕДОВ. 1945 г.

Грибоедовская сатира в произведениях В. И. Ленина

Известно, что В. И. Ленин широко прибегал в своих работах к литературным источникам. Особенно много использовано им цитат из произведений великих русских сатириков. «В статьях Владимира Ильича, статьях на политические темы, — а такие только он и писал, — больше всего цитат из произведений сатириков», — свидетельствует Н. К. Крупская.

Бессмертное произведение Грибоедова «Горе от ума» своими персонажами и яркими выражениями давало богатый материал для использования. Подсчет показал, что по количеству литературных цитат, приведенных Владимиром Ильичом, Грибоедов стоит на третьем месте (он цитируется 64 раза), уступая только Салтыкову-Щедрину и Гоголю. Приведем наиболее значительные выдержки.

Образ Молчалина, как прототип либерального и соглашательского подобиюстрапия и низкопоклонства, часто применяется в полемике Ленина. Необходимо разоблачать «самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчаливства. (Сочинения, т. XII, стр. 34). «Верхи мелкобуржуазных политиков несомненно заражены... кадетским духом предательства, молчаливства и самодовольства, умеренных и аккуратных мечан или чиновников». (Т. III, стр. 13). «Бесславное молчаливство, подставляющее покорно голову». (Т. XI, стр. 30).

Характеризуя поведение буржуазии во времена реакции, Ленин бичует «фамусовскую готовность подличать до невозможности». (Т. X, стр. 369).

Не обойдено также явление репетиловщины и его знаменитой формулы: «Шумим, братец, шумим».

Издаваясь над «революционной» фразой эсеров, Ленин отмечает: «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно-настроений личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев». (Т. V, стр. 145).

Негодующая реплика Чацкого: «А судьи кто?» — не раз приводится Лениным. Так озаглавлена статья (т. XII, стр. 116), критикующая позицию либеральных и эсеровских писак, злорадствовавших по поводу раскола в РСДРП. Заключительное восклицание Фамусова использовано Лениным в статье о тактике социал-демократии на выборах во вторую Государственную думу. Рекоммендуя не считаться с буржуазным общественным мнением, Ленин считает, что «нужно твердо идти своим революционным путем, не оглядываясь на то, что будет говорить кадетская Мария Алексеевна». (Т. XI, стр. 26).

Неоднократно приводятся слова Софьи: «Шел в комнату, попал в другую». «Бухарин отрицал возможность германского наступления, сел иллион, которыми на деле и помогал германским империалистам, мешал росту германской революции. В этом и состоит сущность революционной фразы. Шел в комнату, попал в другую». (Т. XXII, стр. 308).

Мы далеко не исчерпали всего богатства ленинских цитат из Грибоедова.

Пользуясь литературным материалом «Горе от ума», Ленин заострил свои удары по врагам партии, революции, рабочего класса. Теперь, когда вся страна празднует юбилей великого русского писателя, следует вспомнить, какое видное место занимала грибоевская сатира в произведениях Ленина.

А. М.

РУССКИЕ КЛАССИКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИКОГО ДРАМАТУРГА

«О стихах я не говорю — половина должна войти в словосочин». (Пушкин).

«Фигура Чацкого, меланхолическая, ушедшая в свою иронию, трепещущая от негодования и полная мечтательных идеалов... Это — декабрист». (Герцен).

«Грибоедов принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа... «Горе от ума» это благороднейшее гуманистическое произведение, энергический (и притом еще первый) протест против гнусной расейской действительности, против чиновников, взяточников, бар-развратников, против светского общества,

против невежества, добровольного холопства». (Белинский).

«У нас образцово поучительной пьесой является изумительная по своему совершенству комедия Грибоедова, который крайне экономно, небольшим количеством фраз создал такие фигуры, как Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетилов, — фигуры, в которых исторически точно отражена эпоха, в каждой ярко даны ее классовые и «профессиональные» признаки, и которые вышли далеко за пределы эпохи, дожив до наших дней». (Горький).

ГРИБОЕДОВ

Александр Сергеевич Грибоедов родился 15 января 1795 года в старинной дворянской семье. Благодаря заботам матери он получил великолепное воспитание и уже в возрасте одиннадцати лет был принят в Московский университет, где прослушал курс учебных дисциплин трех факультетов. Он был кандидатом словесных наук и прав, готовился к испытанию на степень доктора математических и естественных наук, углубленно занимался русской историей, географией, археологией, восточной филологией, славяноведением. Он был выдающимся лингвистом, изучал санскрит, превосходно владел французским, немецким, английским, итальянским языками, а из восточных — арабским, турецким и персидским.

Но ему не удалось сосредоточиться исключительно на литературной или научной деятельности, о чем он мечтал в юные годы. Поступив на службу в коллегию иностранных дел, Грибоедов вскоре выдвинулся на государственном поприще и стал выдающимся политическим деятелем. Его дипломатическая борьба на Востоке, его экономические планы, вроде проекта учреждения Российской Закавказской Компании, поражают своей инициативой и размахом. В Петербурге даже считали, что Грибоедов один заменял на своем дипломатическом посту целую армию. Это был страстный патриот, выше всего ставивший достоинство и величие своей родины. Не удивительно, что уже в 1823 году, тридцати трех лет от роду, его назначили полномочным посланником в Персию.

Будучи блестящим государственным деятелем, Грибоедов являлся носителем и передовых политических воззрений. Он был близок к декабристам, дружил с Рылевым, Бестужевым, Кюхельбекером, Оловьевым и считался в их среде

«свободомыслящим». Он разделял их убеждения о необходимости отмены рабства в России, введения гласного суда и свободного книгопечатания. В 1826 г. он даже был привлечен к следствию по делу декабристов.

Но, пожалуй, ярче всего сказались в Грибоедове его артистические натура. Он страстно любил музыку, был превосходным пианистом-импровизатором, дружил с крупнейшими композиторами своего времени — Глинкой, Верстовским, Алябьевым. Он интересовался теорией музыки и сам занимался композицией. Моцарт и Бетховен, Гайди и Вебер были его любимыми композиторами. Такой же его страстью был театр. Александр Сергеевич был отличным тцецом и актером-любителем.

Он восхищался Шекспиром и Расином и сам рано начал пробовать свои силы в жанре водевилей и светских комедий, которые были лишь ступенью на пути к созданию гениального произведения «Горе от ума». Шедевр русской комедии был написан рукою настоящего поэта, «Поэзия! Люблю ее без памяти, страстно!», — писал в одном из своих писем Грибоедов. Ему были хорошо знакомы крупнейшие произведения мировой поэзии, а из отечественных авторов он особенно любил Жуковского, Батюшкова и Пушкина. Он оставил ряд стихотворных фрагментов, подготрованных гибкий и блестящий стих «Горе от ума».

В 1821—1823 гг., служа в Тифлисе дипломатическим секретарем при Ермолове, Грибоедов пишет первые акты комедии «Горе от ума». Весною 1823 года он получает отпуск и едет в Москву. Там Александр Сергеевич снова встречается в светском кругу, изучает его ярапы, и летом, в имении своего друга Бегичева, продолжает писать последние акты. Но лишь че-

рез год в Петербурге он завершил работу над окончательным текстом своего произведения. Около четырех лет длился этот упорный труд всыскательного художника над своим великим творением. Из-под его пера вышла пьеса, поражающая глубиной личной драмы, широтой социального охвата, законченностью поэтического стиля.

Перед нами — московское общество начала XIX века, «грибоедовская Москва», высший дворянский круг с его сплетнями, карьеризмом, лицемерием, ханжеством, ненавистью к просвещению. Грибоедов зафиксировал и заклимил навеки в своих сверкающих диалогах «прошедшего житя подлейшие черты»...

Многие типы бессмертной комедии, как известно, написаны с натуры. Сам Грибоедов говорил, что ввел в свою комедию «портреты» и придал художественную типичность подлинным лицам. Современники занавали, например, в Чацком самого автора пьесы, а также известного друга Пушкина — Чаадаева: В Фамусове увидели ядро автора, известного московского туза Алексея Федоровича Грибоедова. В Скалозубе — Паскевича или Аракчева. В княгине Марье Алексеевне — знаменитую Голыцину, мать московского генерал-губернатора. Это была галерея современников Грибоедова, воплощенная в бессмертных сценических образах.

Их физиономии, изображающие различные оттенки московского быта, так верно схвачены, так резко обрисованы, так счастливо поставлены, — писал в 1830 г. московский профессор Надеждин, — что невольно засматриваешься, признаешь подлинники и хохочешь». В этом групповом портрете целого общества полностью раскрылась гениальность художника-реалиста.

Широкая социальная картина, нарисованная Грибоедовым, носила острый сатирический отпечаток и представляла собою, как отмечали современники, настоящую политическую комедию. В пьесе явно слышались отголоски идейной жизни эпохи декабристов. Она была пер-

вой социальной пьесой русского репертуара, ибо неразрывно связывалась с устремлениями и заветнейшими чаяниями тайных обществ александровского времени.

Главный герой комедии Чацкий принадлежит к этому направлению тогдашней русской молодежи. Так писали о нем Герцен и Достоевский, критик Аполлон Григорьев, историк Ключевский и многие другие. «Фигура Чацкого — меланхолическая, ушедшая в свою иронию, трепещущая от негодования и полная мечтательных идеалов, пояляющаяся в последний момент царствования Александра I, накануне возмущения на Исаакиевской площади. Это — декабрист», — писал Герцен. Знаменитые монологи Чацкого, в которых он бичует крепостническое барство, придворные нравы, бюрократию и скалозубовщину, также отвечают программе декабристов, как и его защита национального достоинства самобытной русской культуры и родного языка. Недаром такой человек, как Добролюбов, признавался, что в юношеские годы он хотел, походить на Чацкого.

Герой Грибоедова — подлинный представитель передового поколения, защищающий его права на независимую и глубокую мысль. Он приветствует современных ему юношей, которые стремятся погружить в науку «ум, алчущий познаний», отдаваться «искусствам творческим, высоким и прекрасным». Чацкий, как и его создатель Грибоедов, — поэт и мыслитель, писатель и оратор, лучший и даровитейший представитель современной декабристской интеллигенции. По меткому замечанию Гончарова, тип Чацкого предвосхитил собою реальные черты Белинского и Герцена. Это трибуны и борцы.

Несмотря на все попытки автора устранить наиболее резкие места, комедия при его жизни так и не увидела света. Но она все же получила весьма широкое распространение. Десятки тысяч рукописных экземпляров ходили по стране. Этим после смерти Грибоедова

комедия в 1833 году была издана с большими цензурными изъятиями. В 1875 году, когда «Горе от ума» впервые вышла полным текстом, самые ядовитые и острые ее строки уже вошли в народный язык, как меткие пословицы и поговорки.

Когда во время последнего путешествия на Восток Грибоедов остановился на несколько дней у своего друга Бегичева, то на вопрос этого друга о новой комедии он отвечал: «Нет, комедий больше не напишу, веселость моя исчезла, а без веселости нет хорошей комедии. Но есть у меня написанная трагедия». И он, рассказав содержание своей драмы, прочел из нее несколько сцен. Пьеса называлась «Грузинская ночь». Она была написана вольными рифмованными стихами и разработала народные сказания Грузии. Сохранившиеся стихи этой незавершенной драмы отличаются необыкновенной энергией и своеобразным стилем восточной трагической сказки.

Большие проблемы международного значения, занимавшие Грибоедова на его высоком государственном посту, его активная роль на Востоке, привнешая выдающегося дипломата к трагическому концу в 1829 году, отвлекли писателя от его любимых занятий и помешали воплощению его замыслов. По оставшимся фрагментам можно судить, как развернулась бы впоследствии эта творческая деятельность драматурга и поэта, историка и ученого, всегда мечтавшего с созданием монументальных произведений, посвященных героической борьбе и подвигам русского народа. Но и единственное законченное и глубоко самобытное творение Грибоедова обеспечило ему навсегда любовь и благодарность народа. Когда перед Пушкиным кто-то выразил сожаление о преждевременной гибели русского поэта в Тегеране, поэт ответил: «Грибоедов сделал свое. Он уже написал «Горе от ума».

Л. ГРОССМАН.